

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО МЕЖДУ ЛУБЯНКОЙ И ПОЛИТЕХНИЧЕСКИМ

Возв. кн. 1999. - 17 июля - 64.

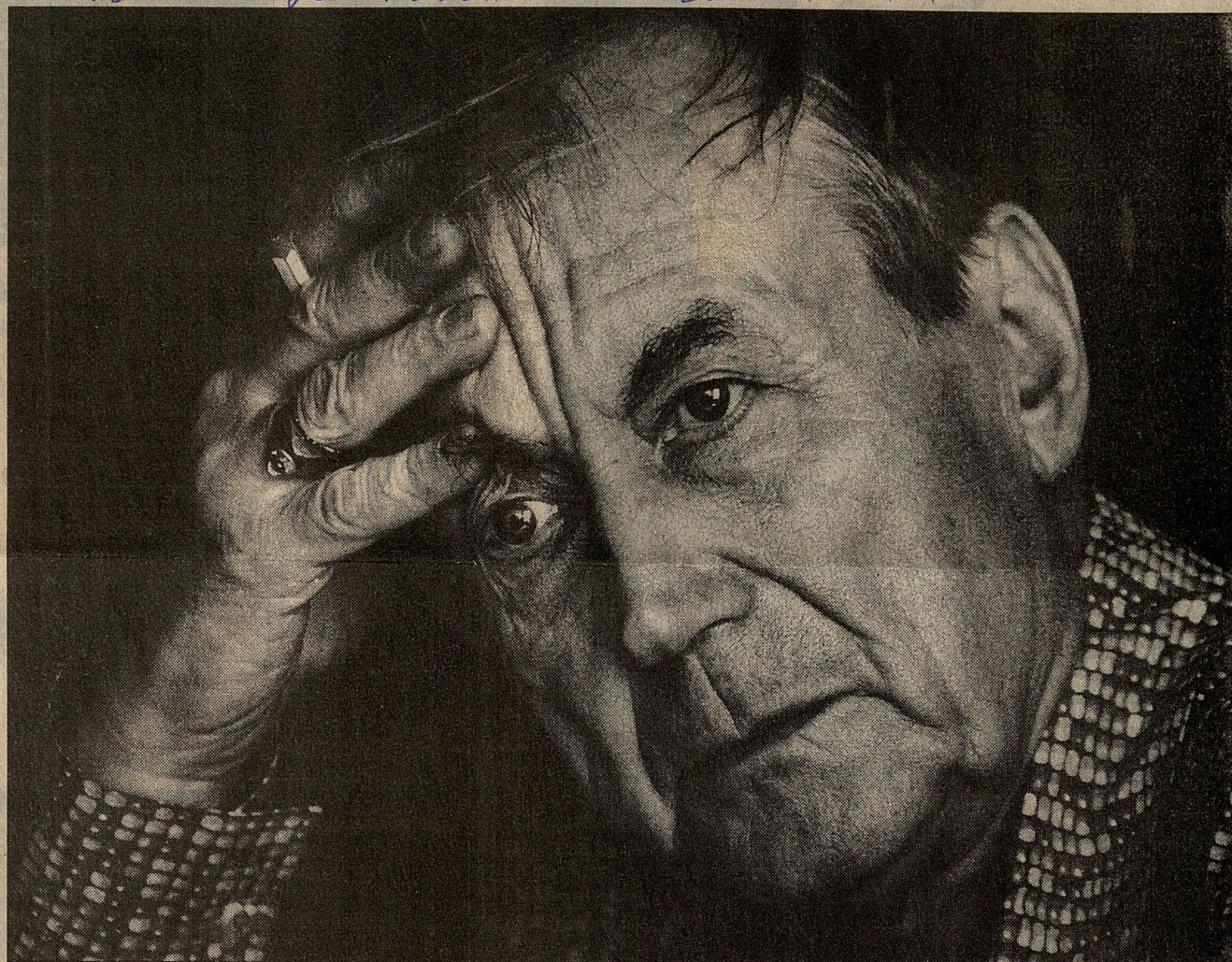

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

В воскресенье 18 июля в 6 часов вечера в Большой аудитории Политехнического музея начнется традиционный вечер, посвященный дню рождения Евгения Евтушенко. Договор с дирекцией музея, подписанный поэтом в 1994 году, — каждый свой день рождения отмечать в Политехническом — выполняется неукоснительно к вящей радости поклонников его творчества.

— Евгений Александрович, у нынешнего вечера есть какие-то особенности?

— Он юбилейный. Ровно 50 лет назад, 2 июля 1949 года, в газете «Советский спорт» было опубликовано мое первое стихотворение.

— Вы его помните?

— Да, конечно. Начиналось оно так:
*Под грохот трещоток дробный
в залах, где воздух сперт,
ломаются руки и ребра —
и это у них спорт!*

Сейчас это звучит пародийно, по-детсадовски, но мой первый редактор Николай Тарасов что-то тогда во мне разглядел. Стихотворение напечатали и я получил свой первый в жизни гонорар — 350 рублей. Огромные деньги! Бутылка шампанского в то время стоила 12 рублей, а месячная зарплата моей мамы, заведовавшей отделом в Мосэстраде, была 700 рублей.

Редакция «Советского спорта» располагалась в те годы в двухэтажном обшарпанном особнячке на площади Дзержинского, рядом с Политехническим музеем, примерно на том месте, где 40 лет спустя я, как сопредседатель «Мемориала», открывал памятник жертвам сталинских репрессий — камень, привезенный с Соловков. Можно сказать, что вся моя жизнь так и проходила — между Лубянкой и Политехническим. Нас всех, поэтов моего поколения, таскали на Лубянку, и время от времени мы выступали в Политехническом. Поэтому и свой вечер, посвященный 50-летию творческой деятельности, я назвал так: «Между Лубянкой и Политехническим».

— Что будете читать?

— Обычно на этих вечерах читаю новые стихи, но в этот раз было много просьб вспомнить старое. Не обязательно даже знаменитое, но знакомое для меня и для моих читателей. С удовольствием эти просьбы выполняю.

— Сюрпризы будут?

— Конечно. Во-первых, издательство «Панорама» только что выпустило книгу «Краденые яблоки». Это лучшие мои стихи за все годы, в том числе переработанный вариант поэмы «Казанский университет». Поэма была написана в 1970-м к 100-летию со дня рождения Ленина, но звучит абсолютно современно, потому что она совсем не о Ленине, а о России с ее вечными бедами и проблемами. Когда Синявский и Даниэль вернулись из лагеря, они мне рассказывали, что у них в зоне все общественные места, включая туалеты, были заклеены листочками с цитатами из этой поэмы:

*Страшно, брат, забыть о чести,
душу вывалить в дерьме,
а в тюрьме не страшно, если
цвет отечества в тюрьме...*

Очень актуально звучало. А это, по моему, и сейчас актуально:

*Хитро оттепель-наскуда
обманула нас вчера,
Грязь прокиснувшая — худо.
Хуже — если смерзлась грязь...*

В «Краденых яблоках» кроме того совершенно потрясающая статья Льва Аннинского. Совсем не комплиментарная — о шестидесятниках, о нашей эпохе.

Еще один подарок — компакт-диск песен на мои стихи, записанный Сергеем и Татьяной Никитиными. Шестидесять минут звучания. Там и старые, известные песни, и семь песен совсем новых. Одна из них просто поразительная — «Качка». Я даже не ожидал, что эти строчки 1964 года могут стать песней. Меня тогда здорово долбали за это стихотворение. Только что сняли Хрущева и вдруг я читаю на ТВ:

*Качка!
Обалдевшие инструкции
срываються с гвоздей...
Волны словно волкодавы...
Ты такой, двадцатый век!
Вправо — влево,
влево — вправо,
вверх — вниз,
вниз — вверх...*

— Приписали защиту опального Никиты Сергеевича?

— Да. И два года я был персоной нон-грата на телевидении. Я уже предсказал Сергею, что эта его песня станет очень популярной среди сегодняшней молодежи 20 — 25 лет.

Кроме Никитиных будет петь замечательный казанский певец Юрий Айтджанов. Это его первое выступление в Москве. Я надеюсь, что талант Юры будет замечен. Придет Валентин Никулин, он сам мне позвонил, сказал, что мечтает прочитать одно мое стихотворение: «Окно выходит в белые деревья...» И наконец, самое неожиданное. Раздался звонок — Стасик Лесневский. «Слушай, а почему бы тебе не сделать такую книжечку: 50 лучших стихотворений за 50 лет? По одному из каждого года». — «Хорошая идея, но трудно...» — «А у меня есть маленькое издательство, мы попробуем». Я так и ахнул: за пять дней сделать книжку специально к творческому вечеру. Наверное, это войдет в Книгу рекордов Гиннесса.

— На следующий день после вашего бенефиса откроется Московский кинофестиваль. Какие эмоции по этому поводу у кинорежиссера и киноактера Евгения Евтушенко?

— Самые положительные. Главное, что фестиваль состоится и уже обозначился контур его стабильности на будущее. Особо рад тому, что во внеконкурсной программе будет показан новый фильм Эмира Кустурицы, которого я считаю великим режиссером после его гениальной ленты «Андеграунд» («Подполье»). Он придумал какое-то новое ритмическое начало в кинематографе, это редчайшая удача.

— А наши новые фильмы вы видели?

— Большинство, к сожалению, не видел. Но «Сибирский цирюльник» посмотрел. По-моему, там есть просто гениальные куски. Проход каторжников по городу... Меньшиков бесподобен. Что касается выбора иностранной актрисы на главную роль, то это полный провал. Она ужасна, невыносима. Такое впечатление, что просто не понимает, что делает. Когда были ее сцены с Меньшиковым, я, как думаю, и многие зрители, переводил взгляд в другую сторону — на Меньшикова.

Вообще в наше кино я верю. Когда-то Артур Миллер сказал мне: «Самые лучшие актеры на свете — русские и англичане». Я с ним согласен. Со своими американскими студентами недавно вновь посмотрел «Ургу» Никиты Михалкова. Потрясающий фильм! А «Летят журавли» Калатозова, лента 50-х годов, для меня до сих пор на первом месте рядом с моим самым любимым фильмом «Похитители велосипедов».

— С кино ясно. А что вы читаете? Успеваете следить за нашими толстыми журналами?

— Успеваю. Писатели, которые произвели наибольшее впечатление в последнее время, — француз Ромен Гари и немец Патрик Зюскинд. Из наших мне более всех интересен Виктор Пелевин. Очень талантливый человек. Больше всего нравятся его рассказы из книги «Желтая стрела» — там, где лирическая, исповедально-сентиментальная линия сочетается с кафкианско-брэдбериевской. Да, именно — Кафка и Брэдбери, такое сочетание... Очень перспективный писатель, тем более, что для прозаика он еще очень молод.

— Ваши планы, Евгений Александрович?

— Издательство «Панорама» предложило подготовить антологию русской поэзии от первых письменных памятников до наших дней. Три огромных тома, первый должен выйти к концу будущего года. Постараюсь исправить огрехи, которые были в «Строфах века», учесть пожелания. В частности, очень интересные были предложения Владимира Солоухина. Попробую сделать для этого издания новый поэтический перевод «Слова о полку Игореве». Мне кажется, в моей «Казни Степана Разина» найден некий ключик, который мне поможет.

— А кино?

— Есть пара сценариев, и если появится возможность — то есть деньги, проще говоря, — я бы эти фильмы снял. Первый — «Донья Кихота», о бывшей актрисе, которая в бреду воображает себя Дон Кихотом; второй — футбольная линия из моего романа «Не умирай прежде смерти». Если получится с этим фильмом, я бы сам сыграл главного героя.

— Последний вопрос, Евгений Александрович. Поэт в России больше, чем поэт — ваши слова. Он еще и провидец. Так вот: когда же у нас все обрывается? Ваше предчувствие?

— К 12-му году будущего века. Даже раньше — к концу первого десятилетия. Я не могу логически объяснить, почему я так думаю, но я уверен в этом. Сейчас происходят изменения в молодых людях — самые важные изменения. Причем не только у нас, но и в той же Америке, в других странах. Появляется новое поколение, которое поняло, что смысл жизни все-таки не в материальных ценностях, а в духовных. В сегодняшнем глобальном безидеализме оно тянется к идеалам и будет само вырабатывать их. Я хотел бы, чтобы у будущего было лицо Андрея Сахарова. Я думаю, у нас еще дважды должны пройти выборы, которые будут — или не будут — решать лишь кратковременные задачи. Но третьи выборы уже окончательно определят судьбу России в XXI веке.

Беседовал
Виктор ФЕКЛУШИН

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ПРЕДЗАВЕЩАНИЕ

*Запрещаю при жизни меня
хоронившим
посмертно меня хоронить.
Порвалась между нами
последняя самая нить.
Зла на вас не держу,
но люблю вас —
простите меня —
не готов.
Вы избавьте меня
от надгробных червивых стихов
и цветов.
Что вам сделал плохо,
так много от вас нелюбви
заслужив?
Что вас так раздражало?
Что был непрослуженно долго
я жив?
Мне не надо,
чтоб вы поминали меня,
подливая кремлевскую водочку в джус.
Непростительно долго
и после моих похорон
я в живых оказуюсь.*

*Мне Россия не даст умереть.
Не позволят ни Грузия,
ни Сенегал.
Потому что любил
эту землю людей
и, бывало, ей врал,
но не лгал.
Я был русским всемирным,
но не был бы я без Руси,
и она говорит:
«Не злопамятствуй.
Всех пригласи».
Только тот молодым остается,
кому не дают постареть
восхищение жизнью, и стыд —
только тот, кто жалеет врагов
и ни жизнью,
ни смертью не мстит.
Мне бессмертия даже мало,
и увидят потомки мои,
как лицо мое
улыбается из-под земли.*

Евгений ЕВТУШЕНКО